

25 марта на известном фестивале современного киноискусства «Памяти Андрея Тарковского» — фильм Эмира Кустурицы «Дом для повешения», 1988 г.

Молодой югославский режиссер Эмир Кустурица стремительно ворвался в мировое кино. Хотя он снял всего лишь три фильма для большого экрана, все они получили престижные премии. Дебют «Помнишь ли Долли Белл?» удостоился премии и приза ФИПРЕССИ на кинофестивале в Венеции. «Отец в командировке» — главной премии и приза ФИПРЕССИ в Канне. «Дом для повешения» (название в мировом прокате — «Время цыган») получил премию Р. Росселлини на фестивале в Канне в 1989 году.

Впрочем, наличие наград не всегда свидетельствует об истинном месте того или иного режиссера в своеобразной табели о рангах. Но Милош Форман, который был президентом жюри Каннского кинофестиваля, увенчавшего Кустурицу «Золотой пальмовой ветвью», оказался прав, отметив сразу раскованную и чрезвычайно естественную интонацию его житейского повествования, в коем вдруг угадываются черты лукавого, притчевого жития, провидческой фантазии. Нельзя не почувствовать даже при первом знакомстве, что Эмира Кустурицу отличает легкость кинематографического письма, проникновенный лиризм и восхищение человеческими чувствами, красотой всего сущего вне зависимости, более того, вопреки драматической, жестокой, подчас ужасающе абсурдной действительности.

И в то же время некие сны наяву, красочные визуальные фантазии Эмира Кустурицы, которые реализует на экране его постоянный оператор Вилко Филач, говорят о том, что режиссер испытал немалое влияние и кинематографа Андрея Тарковского, и «фантастического реализма» латиноамериканской литературы, прежде всего Габриэля Гарсиа Маркеса. Режиссер впитал в себя художественные откровения разных школ, но сумел соотносить увиденное, прочитанное, услышанное с собственным личным опытом парня, выросшего в небольшом дворе в Сараево, и представить уже в виде своего индивидуального творческого метода. Тридцати-

семилетний постановщик заслужил благодаря своему редкостному кинематографическому таланту право на кино Кустурицы.

В лентах «Помнишь ли Долли Белл?» и «Отец в командировке», созданных по сценариям Абдулы Синдрана, ровесника режиссера, Эмир Кустурица счастливо минует ловушки и ретросентиментальности, и издевательской иронии в рассказах о недавно прошедшем, не

Он — неисправимый поэт-романтик, который смотрит на все волею сквозь магический кристалл, угадывая, говоря философски, феноменальную, архетипную первооснову бытия. Внешний сюжет, событийный ряд словно размыт, проглядывает, будто через туман, пелену сна, причудливые, причудливые и удивительно обаятельные видения, экстравагантные дивертисменты и аттракционы. Если в фильме «Отец в командировке» простодушная точка зрения юного героя мотивировалась фабульно, то в «Доме для повешения» режиссер почти пренебрегает логическими объяснениями, превращая историю про парня Перхана, вовлеченного в преступный бизнес по эксплуатации детей, вывезенных из Югославии в Италию, не просто в народную, «цыганскую драму», а в своего рода мифологическое сказание, метафизическую притчу. Причем сам он признавался, что труднее всего далось балансирование на грани между кичем и высокодуховным, серьезным в лучшем смысле слова произведением.

Эмир Кустурица немножко лукавил, как и в том случае,

фильмы не кажутся ни политически или социально прямолинейными, ни заумно-заумными, ни лжемессианскими. Художник творит раскованно, как бы импровизационно, по-моцартовски. Э. Кустурица обладает даром ненавязчивого, но затейливого сопряжения «низкого» и «высокого», причудливого смешения жанров и манер, создания своеобразного «сновиденческого реализма», в котором вечные истины предстают в форме мгновенных прозрений, ярких, визуально впечатляющих образов, народно-площадных фантазий. Сочная и густая вязь быта, грубый, неприкрашенный натурализм «дна жизни», безысходность и мрак существования отверженных — как бы необходимое условие для перехода в иное качество. «Орфей поднимается из ада» — так, наверное, можно определить смысл художественных усилий Эмира Кустурицы. Даже погибающие герои на самом деле возвращаются из царства мертвых, уносятся в предсмертном сне в немислимые дали, где найдут отдохновение и примирение, наконец-то обретут свою потерянную душу, которая бессмертна.

Вслед за Андреем Тарковским, прозревающим сквозь забытые витающую в воздухе угрозу для жизни человеческого духа и бесконечно верящим в его стойкость и несгибаемость, духовный и кинематографический наследник из Сараево, разумеется, по-своему, легче, аттракционнее, порой шутовски воплощает на экране магию предсказания и предостережения, которые в сущности являются творческими посланиями любви и надежды. Эмир Кустурица — стихийный, природный философ жизни, которая торжествует вопреки всему и во что бы то ни стало достигает величия и высшего предзнаменения по крутой траектории, вырвавшись из плена грязи и пошлости обыденного существования. Он земной, настоящий поэт, который, воспарив над реальностью, не забывает в небесных пределах о том грешном мире, оставшемся внизу, коему он обязан всем, в том числе собственной жизнью. И истинный пророк, вещающий среди людей и для людей на понятном им языке.

Хорошо, что новый талант явится нашим зрителям словно под эгидой Андрея Тарковского, уже признанного пророком в своем Отечестве. Правда, кто-то мог еще раньше видеть фильмы Э. Кустурицы на кинофестивалях, но теперь это доступно всем — «Дом для повешения» приобретен для проката фирмой Константина Дьяконова «Феникс», и вслед за известными многим зрителям предстоит убедиться, что подлинная поэзия непересказываема и необъяснима, притягательна-загадочна и обескураживающе-прорицательна.

Сны и прозрения Эмира Кустурицы

Сергей КУДРЯВЦЕВ, кинокритик

всегда приятном и радостном прошлом. Он не испытывает ни ностальгии, ни жалости, ни тем более презрения к «славным пятидесятым», предзакатным годам государственного террора имени Сталина или Тито, к недолгому периоду «коттели» рубежа 50—60-х годов, благословенному свыше временному послаблению в политике и нравах. От быта и истории Э. Кустурица предпочитает воспарять в горние сферы, даже если этот отрыв от реальности под детски забавен, мил и наивен, как, например, фантазии маленького Малика по поводу отсутствия его папы в фильме «Отец в командировке». Ребенок не бежит от непонятной, скверной действительности, а всего лишь преломляет ее в своем неспорченном сознании, наделяет ее выдумкой и всеми возможными красками, превращая в иллюзион, карнавал, волшебную сказку. Но в этих грезах и видениях он не случайно прозревает суть, постигая на интуитивно-детском уровне жизнь, эпоху, весь мировой порядок вещей. В трактовке Кустурицы известная поговорка звучала бы так: «Глазами ребенка провидится истина».

когда заявлял о незначимости цыганского происхождения своих героев в этом фильме. Без своеобразности цыганского менталитета, карнавално-таборного восприятия жизни, иррационального вождения свободы, превращающейся в свою противоположность, вещая байка Кустурицы прозвучала бы явно иначе, не так празднично-трагично и бесхитростно-пророчески. Несколько чудачковатое и загадочное название «Дом для повешения» (зря оно подменяется простым и невыразительным заголовком «Время цыган») ассоциативно напоминает пословицу: «В доме повешенного не говорят о веревке». Снимая в течение 1987—1988 годов свою картину, Эмир Кустурица по-цыгански сумел предугадать подлинно трагический исход для родной страны, в которой «дружная семья» югославских народов оказалась подобной племени бродячих цыган, пытающихся нелегально перебраться через итальянскую границу, чтобы промышлять на пропитание на площади перед роскошным, величественно великолепным Миланским собором. Отчий край стал всеобщим «домом для повешения».

К чести режиссера, его